

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 63–79.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 63–79.

Публикация / Publication

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-63-79

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ (1866–1949)

Бернхард Шульце

Перевод с немецкого, примечания:

Анна Александровна Доронина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

adoronina@hse.ru



Аннотация. Публикация в русском переводе главы «Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949)» из книги Б. Шульце «Русские мыслители: их отношение ко Христу, Церкви и папству» впервые предлагает русскоязычному читателю труд немецко-итальянского исследователя русской религиозно-философской мысли. Анализируя теологические и философские идеи мыслителя, автор книги показывает, с одной стороны, уникальность учения Иванова о Христе и церкви, с другой — отмечает экуменический потенциал этих идей. Перевод главы о Вяч. Иванове призван прежде всего познакомить со взглядом немецкого теолога, а также напомнить об актуальности русской мысли за рубежом.



Ключевые слова: Вяч. Иванов, Б. Шульце, Христос в русской мысли, ницшеанство

Перевод с немецкого осуществлен по изданию: *Schultze B. Russische Denker: Ihre Stellung zu Christus, Kirche und Papsttum.* Vienna: Thomas — Morus — Presse im Verlag Herder, 1950, S. 423–435. Примечания, за исключением специально оговоренных, принадлежат переводчику. Ряд цитат из произведений О. Дешарт приводятся по русскоязычному источнику, В. И. Иванова, Н. А. Бердяева, Святополка-Мирского — со ссылкой на более поздние издания.

© Доронина А. А., перевод на русский язык, 2021

© Доронина А. А., примечания, 2021



Благодарности: Перевод подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).



Ссылка для цитирования: Шульце Б. Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) / пер. с нем., примеч. А. А. Дорониной // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4, № 4. С. 63–79.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-63-79>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

VYACHESLAV IVANOVICH IVANOV (1866–1949)

Bernhard Schultze

Translation from the German, notes:

Anna A. Doronina

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia, adoronina@hse.ru



Abstract. Russian translation of the chapter “Vyacheslav Ivanovich Ivanov (1866–1949)” from the book by B. Schultze “Russian Thinkers: Their Position on Christ, the Church and the Papacy” for the first time offers the Russian-speaking reader the work of the German-Italian researcher of Russian religious and philosophical thought. Analyzing the theological and philosophical ideas of the thinker, the author of the book shows, on the one hand, the uniqueness of Ivanov’s studies about Christ and the church, on the other hand, notes the ecumenical potential of these ideas. The translation of the chapter about Vyacheslav Ivanov is called, first of all, to introduce the view of the German theologian, as well as to remind about the relevance of Russian thought abroad.



Keywords: V. Ivanov, B. Schultze, Christ in Russian thought, Nietzscheanism



Acknowledgments: The translation was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).



For citation: Schultze, B. (2021) ‘Vyacheslav Ivanovich Ivanov (1866–1949)’, translated from the German, notes by A.A. Doronina, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 63–79. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-63-79.

Вячеслав Иванов родился в 1866 году в Москве, где он также начал свое университетское образование. Дальнейшие университетские годы он провел в Германии. В Берлине он стал учеником знаменитого историка Моммзена. Позже отправился в Париж, откуда в 1892 году переехал Рим, чтобы погрузиться в изучение археологии. Затем он предпринял путешествие по Италии, Франции, Англии, Греции, Египту и Палестине. С началом коммунистической революции он бежал в Баку, чтобы преподавать классическую филологию в университете. В конце 1924-го он отправился в Италию, которая станет его новой родиной. В 1926 году он принял католическую веру. Какое-то время жил в Павии (работая в качестве профессора в Колледжо Борромео при тамошнем университете), а затем переселился в Рим.

Поэт, философ и филолог соединены в деятельной натуре Иванова. Как поэт он принадлежит к так называемым символистам. Как философ он в полном смысле слова наследник Владимира Соловьева. Как филолог он может похвастаться ученичеством у Моммзена. Но кроме того, он был, как пишет Арсеньев, «учителем и духовным лидером многочисленного круга учеников, как один из важнейших центров духовной жизни литературного сообщества России <...> особенно с 1905 по 1912 годы» [Arsen'ew, 1929, S. 254].

Иванов — один из главных представителей того культурного движения, которое так внезапно было прервано переворотом 1917–1918 годов и которое, по крайней мере отчасти, нашло свое продолжение среди русских эмигрантов за границей. Речь идет о том движении, которое называют «русским ренессансом».

Об этом пишет Н. Бердяев в своей знаменательной статье «Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал “Путь” (к десятилетию “Пути”): «Наиболее характерны для настроений и течений начала XX в. были так назыв. “среды Вячеслава Иванова”. Так назывались происходившие по средам в течение нескольких лет литературные собрания в квартире В. Иванова, самого утонченного и универсального по духу представителя не только русской культуры начала XX в., но может быть вообще русской культуры. Квартира В. Иванова была на самом верхнем этаже огромного дома против Таврического дворца. Внизу бушевала революция и сталкивались политические страсти. А наверху

на “башне” происходили самые утонченные разговоры на темы высшей духовной культуры, на темы эстетические и мистические. Я был бессменным председателем этих собраний в течение нескольких лет и потому особенно знаю их атмосферу. Там собирался верхний, “аристократический” слой русской литературы и мысли. Изредка появлялись люди другого мира, напр., Луначарский. Просачивалась на собрания “башни” революция, невозможно было вполне от нее изолироваться. На одной из “сред” был обыск, продолжавшийся всю ночь. Но разрыв между тем, что происходило на верхах русского культурного ренессанса и внизу, в широких слоях русской интеллигенции и в народных массах был болезненный и ужасный. Жили в разных веках, на разных планетах» [Бердяев, 1935, с. 9].

Арсеньев не решается вынести окончательное суждение об Иванове: «Явление ослепительное, но вот вопрос: не имеет ли оно, скорее, отрицательного значения? Софист, не пророк. А если пророк, то от какого духа?» [Arsen'ew, 1929, S. 254]. Правда, сегодня такое суждение Арсеньева, который имеет обыкновение предостерегать от тех русских мыслителей, кто открыт католической истине, нас не удивляет. Но следует учитывать и кое-что еще, на что указывает князь Д. С. Мирский¹ в своей «Истории русской литературы»: «Сама религия его, — пишет он об Иванове, — была синкретической, включавшей все на свете религии. Один из ее характерных догматов — тождество Христа и Диониса. Все было одно — христианство и язычество, святость и люциферова гордыня, аскетическая чистота и эротический экстаз — и все было религией, и все было свято» [Святополк-Мирский, 2005, с. 754]. Именно отождествление Христа и Диониса стало камнем преткновения для критиков Иванова. Но давайте зададимся вопросом, не основано ли их возмущение, по крайней мере частично, на недоразумении.

Несомненно, Иванов пережил дионисийский период, полный боли и трагизма. Несомненно также, что его путь ко Христу не стал постоянным подъемом: он шел то вверх, то вниз по гористой местности, мимо глубоких ущелий и опасных пропастей.

Жизнь Иванова заслуживает внимательного рассмотрения, ведь его поэзия и мысль, и прежде всего поиски Христа, связаны с его жизнью непосредственно.

Годы раннего детства способствовали развитию набожности. Хотя отец упорно придерживался атеизма, воспитанием и религиозным образованием мальчика занималась мать. Это она наложила на него печать собственного

¹ Имеется в виду князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский.

благочестия и внушила глубокую любовь ко Христу [см. Deschartes, 1934, p. 384]. Тогда ему было семь лет. Он никогда не забывал, какое священное волнение и поэтический восторг овладевали им, когда он повторял некоторые из своих любимых стихов из Евангелия, например, слова Христа из Евангелия от Матфея «Иго мое благо, и бремя мое легко» (Мф. 11:30) [см. *ibid.* p. 385]. Это именно тот священный текст, который произвел столь глубокое впечатление и на других русских мыслителей, особенно на Белинского.

В возрасте пятнадцати лет он пережил внутренний кризис, в результате которого стал считать себя атеистом и революционером [*ibidem*]. Через похожий кризис прошел и молодой Соловьев. Фаддей Зелинский, прославленный филолог-гуманист и друг Иванова считает, однако, что «этот атеизм не принес большого повода для беспокойства, поскольку он принадлежал к тому типу, который я [Ф. Зелинский. — *Б. III.*] называю “биологический атеизм”; к слову, молодой человек умел прекрасно сочетать его с пылкой любовью ко Христу, которому он оставался верен всю свою жизнь» [Zielinski, 1934, p. 245].

Позже в преодолении кризиса и одиночества ему помог человек, о котором с 1890 года много говорили в России. Это был Фридрих Ницше. Как и *он*, Иванов признавал Аполлона и Диониса в качестве собственных двух душ: Аполлона как бога света, искусства и предсказания; Диониса как бога вина, опьянения и экстаза [см. Deschartes, 1934, p. 386]. Правда, религиозное обращение с помощью Ницше, по крайней мере на первый взгляд, кажется весьма странным. Зелинский так рассуждает об этом: «Он отдался дионисийству и его пророку Фридриху Ницше. Этому антихристу Ницше? Да, все верно. Одно из самых глубоких высказываний о Ницше я прочитал в исключительно интересной книге Теобальда Циглера о культурных течениях XIX века: “Ницше был куда ближе к переходу от антихриста ко Христу, чем обычно думают”» [Zielinski, 1934, p. 245–246]².

Что означает «дионисийство», поясняет нам Голенищев-Кутузов в статье о лирике Иванова. Он считает, что эта лирика принадлежит не только к ограниченному кругу русского символизма, но к вечным анналам искусства. «Она исполнена, — пишет он, — космического эротизма, преобразующего мир, будящего древний хаос. Силу эту, вечно действующую в мире, эллины называли Дионисом, сопредельным братом Аполлона» [Голенищев-Кутузов, 1930, с. 463–464]. Он даже говорит о настоящей трагической одержимости Иванова Дионисом: «И вот, не только человеческий дух, вся природа кажется поэту исполненной тайными извечными силами. В мистическом экстазе сливается

² См. О дионисийстве Иванова см. также: Закржевский А. Религия: Психологические параллели. Киев: Издание журнала «Искусство», 1913. С. 347–378. — *Примеч. Б. Шульце.*

он с ними <...> Дионис — безжалостен, но без его сошествия творчество, казалось, — невозможно» [там же, с. 469].

Дальнейшее событие — встреча с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, выдающейся русской женщиной, известной писательницей, только усилило это дионисийство Иванова. Она происходила из старинного дворянского рода и была родственницей Пушкина. Бердяев характеризует ее как «совсем иную натуру, чем Вяч. Иванов, более дионисическую, бурную, порывистую, революционную по темпераменту, стихийную, вечно толкающую вперед и ввысь» [Бердяев, 2004, с. 124].

Но, казалось, непреодолимые обстоятельства препятствовали их соединению: оба они были несвободны. Однако, несмотря на все трудности, свадьба была сыграна. Чтобы не возникало несправедливого осуждения, отметим, что тогда Иванов еще не был католиком, он даже не был практикующим христианином в своей Русской православной церкви; кроме того, нормы Русской церкви в отношении нерасторжимости брака не настолько строгие, как в католической церкви. После развода первая жена Иванова Дарья Дмитриевская (умерла только в 1933 году) отвергала все предложения о браке, оставаясь верной своей первой любви. Навсегда мучительным упреком осталось в душе поэта воспоминание о ее голубых, увлажненных слезами глазах [Deschartes, 1934, p. 387–388].

Много лет спустя в записях о своей жизни Иванов отмечал: «Это ницшеанство помогло мне — жестоко и ответственно, но, по совести правильно — решить представший мне в 1895 г. выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою, всецело захватившей меня любовью, которой суждено было с тех пор, в течение всей моей жизни, только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась как мне самому, так и той, которую я полюбил, лишь преступною, темною, демоническою страстью» [Иванов, 1990, с. 315].

Произошло то, что на первый взгляд может показаться парадоксальным: «Друг через друга нашли мы — каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» [там же]. Поэт не только превзошел самого себя, но любовь дала направление его дионисийскому стремлению и поставила перед ним цель; после того, как он сказал любимому существу «ты», он научился говорить «ты» Богу. Так Ницше стал путем ко Христу, так этот признанный враг христианства привел его к следованию призыву Августина: “*Transcende te ipsum*” («превзойди самого себя»). Дерзкий проповедник воли к власти научил его полному отречению от своеволия и утрате себя в «пафосе любви» [см. Дешарт, 1971].

Сближением со Христом Иванов обязан еще одному мыслителю. В 1900 году Иванов вместе с Лидией посетили Владимира Соловьева, который убедил их вновь принять Святое причастие. И вот, оба они отправились в Киев, где с самого детства впервые приняли евхаристию. Оттуда они послали Соловьеву телеграмму, еще не зная, что он при смерти, да так и не узнав, дошло ли их послание до него при жизни [см. Deschartes, 1934, p. 402].

Иванов по-прежнему был исполнен того дионисийского принципа, в котором совпадают жизнь и смерть, но более яркий и радикальный опыт постижения тайны жизни и смерти поспособствовал окончательному преодолению дионисийства.

Пасху 1902 года Иванов и Лидия смогли провести в Иерусалиме у Гроба Господня. На обратном пути поэта настигла тяжелая болезнь. Позднее, избежав смерти, он приписывал свое спасение только заботе и молитвам Лидии. После выздоровления в Афинах он написал цикл лирических стихотворений под заголовком «*Suspiria*», ставший вехой на пути его духовного развития [см. *ibid.*, p. 397–398]. Среди прочего, он воспеваает в нем многозвездную Изиду, которая тщетно пытается собрать в живое единство рассеянные в неизмеримом пространстве миры. Он поет евхаристический, благодарственный гимн Тому, кто собрал и объединил все Сущее в своем вселенском кресте и в центре своего божественного сердца. И завершает песнь таинственным символом гостя, который пришел в свой виноградник на вершину отвесной горы, чтобы быть похороненным там же, посреди виноградника, то есть в своем отныне обновленном сердце:

Звезды гаснут. Край небес светлеет.
Из-за края моря брызжет солнце...
Гостя лик сияет пред очами...
Смотрит в очи милостное Солнце...³

Оказавшись на пороге новой жизни, Иванов уже предвидел и предсказывал неизбежную разлуку, и сам требовал от себя предельной покорности. Летом 1907 года, в России, Лидия Зиновьева очень серьезно заболела; она утасла через семь дней. В последний день пришел православный священник со святыми дарами. Иванов, денно и нощно пребывающий с Лидией, «увидел, как выступила алая капля причастного вина на ее помертвелых губах. Он обнял

³ Фрагмент стихотворения Вяч. Иванова «Гость». Написано на русском языке, переведено Ивановым на итальянский язык. В оригинале приведен немецкий перевод Б. Шульце итальянской версии стихотворения (*L'ospite*), написанной Вяч. Ивановым.

жену, в последний раз поцеловал милый рот и выпил священную каплю. Перед самым концом Лидия пришла в себя и в полном сознании, внятно сказала: «Светом светлым повеяло; родился Христос» [Дешарт, 1971, с. 120]. Это были ее последние слова.

Теперь для поэта наступило страшное время глубочайшей скорби. В душе его поднялись «сомнение, смятение и дух вызова», но длилось это лишь короткое мгновение. Он сам себя ободрил: «Не верь в силу, которая хочет тебя соблазнить!».

Как будто на горном отвесе
Завидел я с низменной мели
Любимую в огненном теле
И слышал: «Христос Воскресе»⁴.

Так поэт стал верующим учеником усопшей и воскресшей во Христе жены, и сердце его по-прежнему билось той же любовью. Книгу стихотворений, вышедшую год спустя после смерти Лидии, он назвал «*Cor ardens*» («Горящее сердце»).

Через четыре года после смерти Лидии он женился на ее дочери от первого брака, Вере, которая казалась ему теперь живым образом ее матери. Вера умерла в 1920 году.

Горячая любовь к самой возлюбленной спутнице жизни помогла ему постепенно освободиться от влияния Ницше. Кроме того, исторические и научные исследования привели его к пониманию того, что религия Диониса похожа на горный склон, с которого стекают все воды с тем, чтобы слиться в христианстве [см. Иванов, 1994, с. 191]. Но именно в этом месте [в работе «Дионис и прадионисийство». — А. Д.] он ясно говорит о том, что в лице христианской веры язычеству положен предел: в христианских обрядах и мифах элины могли бы узнать свои мистерии, но «камнем преткновения была личность “Галилеянина” <...>. Верой в эту личность и ее единственное значение жило и победило мир христианство; но здесь язычество переставало его понимать» [там же].

Здесь мы также должны заметить, как Иванов понимает знаменитое тождество между Христом и Дионисом. Он размышляет: для греков Дионис был живым богом, а не только методом или символом, как для нас [см. Дешарт, 1971, с. 60]. Вот почему в нашем сердце Дионис не образует антитезы Христу; в качестве метода Дионис есть один из видов христианского опыта (св. Авгу-

⁴ Фрагмент стихотворения Вяч. Иванова «На кладбище».

стин), в то время как аполлонический принцип представляет собой другой вид такого опыта (св. Фома) [см. Deschartes, 1934, p. 393]. Другими словами, это всего лишь этап, всего лишь переходная ступень болезненного и трагического опыта. Голенищев-Кутузов это подтверждает. Он полагает установленным, что творческая деятельность, по крайней мере, на первый взгляд, не обходится без дионисийского принципа. Тем более он восхищается дальнейшим внутренним развитием Иванова: «И тем удивительней было для знатоков и любителей поэзии Вячеслава Иванова его “отречение” от богов древней Греции, написанное после того как в Баку, в 1923 году, появилось большое его исследование — “Дионис и Прадионисийство”, — над которым он работал около тридцати лет. <...> Итак, поэт дионисийских восторгов, ученый, проникший в тайны античных мистерий, написал покаянную песнь — Палинодию, уединясь в предгорьях новой Фиваиды» [Голенищев-Кутузов, 1930, с. 465–466].

Иванов вошел не только в искушение Диониса, но и Люцифера, искушение гордыней и восстанием против Бога. Об этом свидетельствуют его драматические творения, вернее, его трагедии, «Прометей» и «Тантал». Как он избежал искушения? Кто его спас? В стихотворении он отвечает:

И я был раб в узлах змеи,
И в корчах звал клеймо укуса;
Но огонь последнего искусства
Заклял, и солнцем Эммауса
Озолотились дни мои⁵.

В сущности, он всегда идет по одному пути, как мыслитель, как философ и как искатель Христа. Его биограф О. Дешарт указывает на это: «Быть значит быть вместе — любить» [Дешарт, 1971, с. 51]. «Кто живет истинной жизнью любви, для того бытие другого перестает быть чужим “ты”, но “ты” становится, скорее, другим определением “Я”. Из этого внутреннего опыта в Иванове возникает особенно близкая привязанность ко Христу» [Deschartes, 1934, p. 404].

Поэтому те слова, которыми Иванов описывает путь Достоевского ко Христу, применимы прежде всего к нему самому: «Апория разума <...> решается в пользу веры разумом сердца. Первый плод такого познания — созерцание Божественной бездны в человеке. Но где человеческая личность, в коей сияние Божия лика столь ослепительно, что сами собой рассеиваются все сомнения о Его победе над силами смерти и тьмы?.. “Тот, Кто в вас”, говорит Апостол,

⁵ Стихотворение Вяч. Иванова “Mi fur le serpi amiche”.

“больше того, кто в мире” (1 Ин. 4:4). Где же тот, узря кого уверовали бы мы в истину этих слов? Высшая истина разума сердца Христос. Своеобразие апологетики Достоевского в свойственной ей тенденции не выводить любовь ко Христу из веры в Бога, а приходить через Христа к уверенности в бытии Бога. Бог — сон, или мир, Бога отрицающий? Залог затаенного трансцендентного бытия Бога — непосредственное созерцание земной реальности Христа. Никто не придет к Отцу, нежели через Него. “Ессе Номо”» [Иванов, 1971–1987, т. 4, с. 556].

* * *

Наш мыслитель видит в совершенном и живом познании Христа заключенное еще одно познание — *Церкви* как мистического тела Христова. Он согласен с Достоевским в суждении, что «...люди, эти сыны Божии, воистину должны истребить друг друга и самих себя, если не знают в небе единого Отца и в собственной братской среде — Богочеловека Христа» [там же, с. 421]. В лекции о Владимире Соловьеве он сравнивает человека с живым зеркалом. Зеркало не отражает точный образ предметов: правое становится левым, стороны меняются местами. Как исправить этот недостаток? Ответ таков: через второе отражение в зеркале. Иванов поясняет: «Этим другим зеркалом — *speculum speculii* — исправляющим первое, является для человека, как познающего, другой человек. Истина оправдывается только будучи созерцаемою в другом. Где двое или трое вместе во имя Христова, там среди них Сам Христос. Итак, адекватное познание тайны бытия возможно лишь в общении мистическом, т. е. в Церкви» [там же, т. 3, с. 303].

Благодаря собственным исканиям и стараниям Иванову удалось постичь эту Церковь как Церковь Петра и увидеть самого Христа в его заместителе. 17 Марта 1926 года, в день поминовения в России святого Вячеслава, он присоединился к католической церкви. Радостно возбужденный, он описывает это важное событие: «Произнося (4/17 марта 1926 г., в день праздника св. Вячеслава в России) Символ Веры, за которым следовала формула присоединения, у алтаря моего святого (дорогого сердцу славян), в трансепте базилики св. Петра, в то время как на соседней могиле Апостола для меня уже готовилась обедня на церковнославянском языке и причастие под двумя видами согласно восточному обряду, — я впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, обладателем священного клада, который был моим со дня моего крещения, но обладание которым до тех пор, в течение уже многих лет, омрачалось наличием чувства какой-то неудовлетворенности, становящейся все мучительней, и мучительней от сознания, что я лишен другой половины

живого того клада святости и благодати, что я дышу наподобие чахоточных одним только легким. Я испытывал великую радость покоя и свободы действий, не ведомую ранее той поры, счастье общения с бесчисленными святыми, от помощи и молитвы которых я долго противовольно отказывался, сознание, что выполнил свой личный долг, и в своем лице долг моего народа, уверенность, что поступил согласно его воле, которую я тогда ясно увидел созревшей для Единения, что остался верен его последнему завету: требованию забыть его и принести в жертву вселенскому делу Соборности. И — удивительно — я мгновенно почувствовал его, в духе возвращенным мне рукою Христа...» [там же, с. 429].

Разумеется, на пути к этой цели его предводителем был не Достоевский, автор легенды о Великом инквизиторе, не Толстой, отлученный от русской церкви. В уже упомянутой лекции о Владимире Соловьеве он удостоверяет нас в том, что «Оба гениальных художника бессильны были преодолеть бесформенность и бессвязность их религиозного синтеза: Толстой поскольку он был анархист, Достоевский — как гений оргийный и трагический <...> Истинным *образователем* наших религиозных стремлений, лирником Орфеем, несущим начало зиждительного строя, был Вл. Соловьев, певец божественной Софии» [там же, с. 297].

С благодарностью признает он целебное влияние, которое оказал на него этот гениальный русский мыслитель: «В атмосфере такой духовной тупости буржуазного мира противоположного и в то же время, — не знаю по какому дьявольскому контрапункту, — созвучного революционному неистовству, властно раздался из глубины души моей зов, знакомый, постоянно повторяющийся с молодых лет, когда началось мое духовное общение с большим и святым человеком, каким был Владимир Соловьев, медленно, но неуклонно ведшим меня к соединению с католической церковью» [там же, с. 427].

Влияние Соловьева, и, в частности, его учение о Софии-премудрости, связало духовными узами трех поэтов, В. Иванова, А. Белого и А. Блока, — триумvirат реалистического символизма, противопоставленный идеалистическому символизму Бальмонта и Брюсова — так тесно, что эти сами по себе такие разные люди «пели одну и ту же песню в те дни». Но двум поэтам, Белому и Блоку, София представлялась «Прекрасной Дамой» утренней зари, к которой они, «любя и тоскуя», устремлялись навстречу; для Иванова, напротив, она была «нетварной Премудростью» [Дешарт, 1971, с. 108], «радость [которой. — А. Д.] была с сынами человеческими» (Притч. 8:31). Божественная «игра» Софии состоит в том, что сначала она показывает человеку истинное бытие вещей, их идею, а затем позволяет людям осуществить бытие в становлении [там же].

Иными словами, София или Вечная премудрость учит художника, поэта, философа подниматься через творение к вечным истинам, созерцать их, а затем снова спускаться на землю, чтобы выразить свой собственный опыт и переживания в сообщаемых и наглядных формах. София учит «тому истинному символизму, который не ограничивается завещанием восхождения от реального к реальнейшему (*a realibus ad realiora*), но имеет в себе силу веры обратиться лицо к земной действительности и вверить заботу о ней тому, кто после долгих странствий в мире высшей реальности спускается назад (*ad realia per realiora*) и теперь способен формировать жизнь, приводя в соответствие низшие вещи высшим прообразами и низшую реальность — высшей (*realia sicut realiora*)». Символизм Иванова явно инспирирован Платоном — это проявляется и в том, что для него «между Платоном и Августином величайшим учителем Памяти был Христос» [там же, с. 132].

В то время, когда он уже давно преодолел дионисийство, именно христианский символизм помог ему распознать и признать еще один символ в его значении. Голенищев-Кутузов указывает на него: «И даже тогда, когда скрывается дневной Аполлон, на золоте вечернего неба круглеет символ вечности — синий купол св. Петра. Не станем оспаривать или защищать католические умонастроения Вячеслава Иванова. Критик должен восстановить внутренний мир поэта, единственный, неповторимый. И он вправе отложить все иные пожелания. <...> Путь Вячеслава Иванова — путь совершенствования и восхождения» [Голенищев-Кутузов, 1930, с. 470]. Таково беспристрастное свидетельство не принадлежащего к католической церкви русского.

Иванов всегда тяготел к единству, цельности и жизни. Это совершенно ясно видно в его мелодичном «Человек». Две первые части («Аз есмь», «Ты еси» — названия, отсылающие у Иванова к августинианским “*redi in te ipsum*” и “*transcende te ipsum*”) были написаны в 1915 году, третья часть («Два Града», также в августинианском смысле) — в 1917 году, а четвертая, последняя («Человек един», с эпилогом, показывающим торжествующее человеческое сообщество), — в 1918 году. В этой поэме человек воспринимается как единственное творение Бога («Есть лишь Бог — и ты: вас двое. Создан ты один Творцом. Все небесное, земное — Ты пред Божиим лицом»), и поэт от начала и до конца рисует трагизм разделения человека с Тем, кто открыл ему свое таинственное имя «Я ЕСМЬ».

Само собой разумеется, он жаждал внутреннего единства и мира в первую очередь для своего отечества; единства и мира, прежде всего, между народом и интеллигенцией. Он был твердо убежден, что не может быть мира, кроме как во имя и в свете Христа, в том свете воскресения, к которому интеллигенция стремилась по большей части бессознательно, народ же — в полном со-

знании своей сокровенной веры, пусть даже и с такой слепотой [см. Иванов, 1971–1987, т. 3, с. 321–338].

Но тяга Иванова к всеобщему единству обращалась страданием, как только он осознавал *разделение* внутри христианства. Хотя это страдание было знакомо ему еще со времен доверительного общения с Соловьевым, в дни начала войны 1914 года и русской революции он испытывал острую боль и настоящие муки. Сильнее и мучительнее всего он почувствовал «всеобщее разделение» именно в Риме, где он и умер. И, как мы видели, не успокоился до тех пор, пока внутренне и внешне не восстановил в своей жизни единство разделенных церковью и тем самым не исполнил долг, возложенный на его отечество, но еще не осознанный им.

Когда это необходимо, Иванов умеет защитить свою христианскую и католическую веру. Писатель-гуманист Алессандро Пеллегрини⁶ говорит о присоединении Иванова к католической церкви. В статье он «размышляет о “Переписке из двух углов” В. Иванова и М. О. Гершензона» [Pellegrini, 1934, p. 291]⁷. Прежде всего, словами филолога Э. Р. Курциуса⁸ он объясняет, о какой переписке идет речь: «Летом 1920 года два философа М. О. Гершензон и В. Иванов находились в Московском санатории для работников науки и искусства. Из одного угла комнаты в другой они обменялись двенадцатью письмами о философских и исторических проблемах. Мне кажется, что эта переписка содержит самое важное, что было сказано о гуманизме со времен Ницше» [там же]. Пеллегрини показывает, как верующий христианин Иванов, чтобы ответить хотя и очень образованному, но скептически настроенному еврею Гершензону, уже тогда предложил принятие католических догм и исповедания в качестве решения. Он был вынужден сделать следующее признание: «Как быть с потрясением нынешней эпохи, когда вся культура пошатнулась, как не понимать, что церковь все еще является крепостью, хранящей благо предания, защитой некоторых существенных ценностей, в общем, утверждением потусторонней жизни реальности, по сравнению с которой мир, его страдания и

⁶ Алессандро Пеллегрини (1897–1985) — писатель, филолог, историк литературы, издатель, переводчик. Автор книг об А. Жиде, Ф. Бодлере и др. Подробнее о А. Пеллегрини в связи с Вяч. Ивановым см. статью А. Б. Шишкина для энциклопедии «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века» (М., 2019).

⁷ Имеется в виду работа А. Пеллегрини “Considerazioni sulla “Corrispondenza da un angolo all’altro” di V. Ivanov e M. O. Ghercencenon” («Размышления о “Переписке из двух углов” В. Иванова и М. О. Гершензона»).

⁸ Эрнст Роберт Курциус (1886–1956) — немецкий филолог, литературовед, собеседник Вяч. Иванова. Подробнее о Э. Р. Курциусе и Вяч. Иванове см. статью М. Вахтеля «Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом» на русском языке, а также статью того же автора “Vjaceslav Ivanov als ‘missing link’ in Ernst Robert Curtius’ Kulturphilosophie” на немецком языке.

его величие покажутся тщетой? И как не понимать, что самые благородные души ищут убежища в этой крепости, а в этом религиозном утверждении — достоверную истину? Приглашение Церкви к молитве и тысячелетней вере нашей страны похоже на призыв дорогого голоса» [там же, с. 312]. «Однако, — продолжает Пеллегрини, — позвольте мне высказать мнение, что существуют законы, одинаково священные по своей строгости и ценности, которые многим мешают искать пристанища в храме, освященном жертвой Христовой. Не чувство человеческой гордости, а смиренное признание того, что они считают долгом и обязанностью, запрещает многим современным умам придерживаться этого откровения. Та огненная волна, которая, пронизывая сокровенное человеческое бытие, создает священника и пророка, разве это живое пламя не в нас, не раскрывается ли оно человеческим духом? Любой отказ от пути, в котором, как мы чувствуем, состоит наша судьба, любая попытка изъять нас из ночи души, найти свет где-либо вне ее, была бы ложью перед лицом внутреннего завета. Если возможно, чтобы кто-то обратился от безрелигиозности к традиционной религии, то кажется невозможным только такое обращение, а именно обращение тех, кто когда-то сердцем и умом предался вере отцов и потом почувствовал, что сокровенная потребность вышла за ее пределы, что именно религиозность приказала им отказаться от веры. Опыт Ницше — как снова выясняется — именно таков» [там же, с. 312–313].

Однако, каков ответ Иванова на затруднения Пеллегрини и его гуманизма? Его ответ ясен, прост и убедителен. Он спрашивает: «Но, если Вы спросите, ищущая меня: “И однако, разве само имя — гуманизм — не говорит уже о полном утверждении человека?”, я отвечу Вам: “Разумеется! Не напрасно же сказал Данте своему учителю-гуманисту: «Вы учили меня постигать, как человек становится вечным (m’insegnavate come l’uom s’eterna)»”. Но так как фонарю циника по сей день не удалось найти такого существа, которое оказалось бы достойным называться Человеком, которое в том же смысле, в каком человек становится мерою вещей, могло бы стать мерою человечности — почему бы нам не признать, что прав был тот скептик, воспитанный по всем правилам humanitas, прекрасный знаток Цицероновых писаний, когда он, указывая на Молчавшего, сказал разъяренной толпе: “Ессе Homo” — (“Се Человек”)? “Кто Его узнал, не станет, конечно, искать другой меры”. И почему бы утверждению человека не быть утверждением Христа? Философия истории для христианина всегда христоцентрична, что относится и к гуманизму» [Иванов, 1971–1987, т. 3, с. 443].

*Редактор перевода:
Андрей Владимирович Бреус*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бердяев Н. Ивановские среды // Бердяев Н. Мутные лики. М.: Канон, 2004. С. 123–127.
- Бердяев Н. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
- Голенищев-Кутузов И. Лирика Вяч. Иванова // Современные записки. Париж, 1930. № XLIII. С. 463–471.
- Дешарт О. Введение к собранию сочинений Вяч. Иванова // Иванов В. И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. С. 7–227.
- Иванов В. И. Автобиографическое письмо В. Иванова к С. А. Венгеру // Иванова Л. В. Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 301–318.
- Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994.
- Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 4 т.
- Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы: с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2005.
- Arsen'ew N. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. Mainz: Dioskuren-Verlag, 1929.
- Deschartes O. Cenni biografici // Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov. 1934. № 8–12. P. 384–408.
- Pellegrini A. Considerazioni sulla “Corrispondenza da un angolo all’altro” di V. Ivanov e M. O. Gherscenccon // Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov. 1934. № 8–12. P. 291–315.
- Zielinski T. Introduzione all’opera di Venceslao Ivanov // Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov. 1934. № 8–12. P. 241–251.

References

- Arsen'ew, N. (1929) *Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen* [Russian Literature of Modern Times and the Present in its Spiritual Context]. Mainz: Dioskuren-Verlag.
- Berdyayev, N. (1935) ‘Russkii dukhovnii renessans nachala XX veka i zhurnal Put’ (k desyatiletiiu Puti)’ [‘Russian Spiritual Renaissance of the Beginning of the 20th Century and the Put’ Journal (to the Decade of the Put’ Journal)’], in *Put’*, 49, pp. 3–22.
- Berdyayev, N. (2004) ‘Ivanovskie sredy’ [‘Ivanov’s Wensdays’], in Berdyayev, N. *Mutnye liki* [Obscure Images]. Moscow: Kanon, pp. 123–127.
- Deschartes, O. (1934) ‘Cenni biografici’ [‘Biographical notes’], in *Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov* [The Conference: Journal of Literature and art: Vyacheslav Ivanov], 1934, 8–12, pp. 384–408.

Deschartes, O. (1971) 'Vvedenie v sobranie sochinenii Vyach. Ivanova' ['Introduction to the Collected Works of Vyach. Ivanov'], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. Tom 4* [Collected Works in 4 vols. Vol. 1], Brussel': Foyer Oriental Chrétien, pp. 7–227.

Golenishchev-Kutuzov, I. (1930) 'Lyrika Vyach. Ivanova' ['Vyacheslav Ivanov's Lyrics'], in *Sovremennye Zapiski* [Modern Notes]. Paris, XLIII, pp. 463–471.

Ivanov, V.I. (1971–1987) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (4 vols). Brussel': Foyer Oriental Chrétien.

Ivanov, V.I. (1990) 'Avtobiograficheskoe pis'mo V. Ivanova k S.A. Vengerovu' ['V. Ivanov's Autobiographical Letter to S.A. Vengerov'], in Ivanova, L.V. *Vospominaniya: kniga ob otse* [Memoirs. A Book about my Farther], Paris: Atheneum, pp. 301–318.

Ivanov, V.I. (1994) *Dionis i pradionisijstvo* [Dionysus and Pradionysianism]. St. Petersburg: Aletejya.

Pellegrini, A. (1934) 'Considerazioni sulla "Corrispondenza da un angolo all'altro" di V. Ivanov e M.O. Gherascencon', in *Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov* [The Conference: Journal of Literature and art: Vyacheslav Ivanov], 1934, 8–12, pp. 291–315.

Svyatopolk-Mirsky, D.P. (2005) *Istoriya russkoi literatury: s drevneishikh vremen po 1925 god* [History of Russian Literature: from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk: Publishing House "Svinyin and Sons".

Zielinski, T. (1934) 'Introduzione all'opera di Venceslao Ivanov' ['Introduction to the work of Wenceslas Ivanov'], in *Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte: Venceslao Ivanov* [The Conference: Journal of Literature and art: Vyacheslav Ivanov], 1934, 8–12, pp. 241–251.

Информация о переводчике: А. А. Доронина — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, преподаватель Факультета гуманитарных наук, ответственный секретарь журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 217.

Information about the translator: A. A. Doronina — Research assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue at the Higher School of Economics, lecturer at the Faculty of Humanities at the Higher School of Economics, Executive Secretary of the journal "Philosophical Let-

ters. Russian-European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 217, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.12.2021;
принята к публикации 08.12.2021.

The article was submitted 02.12.2021;
approved after reviewing 07.12.2021;
accepted for publication 08.12.2021.